

Как ненасильственное сопротивление выковывало польский народ: 1860-1900

Автор: Мачей Бартковски

[Recovering Nonviolent History. Civil Resistance in Liberation Struggles](#)

Третий и последний раздел Польско-Литовского содружества в 1795 году стал, по сути, концом существования польского государства. Стране, чью территорию разделили Россия, Пруссия и Габсбургская империя, понадобилось 123 года, чтобы в 1918 году создать независимое государство. Во время раздела классовая принадлежность значила больше национальной идентичности для всех слоев населения. Права были закреплены только за привилегированным классом, шляхтой, которая избирала, а также ограничивала власть короля. В течение столетий шляхта эксплуатировала крестьян, препятствуя возникновению купцов. Таким образом, враждебность между классами позволяла разделять народ, провоцируя такие события, как “Резня в Галиции”, когда в 1848 году крестьяне убили более 1000 дворян. В 1870 году было подсчитано, что только треть говорящих на польском языке считали себя поляками.

Развитие польской идентичности и польского народа не были неизбежными в таких условиях. Индустриализация, урбанизация и демографический рост среди населения, говорящего на польском языке, в конце девятнадцатого века сами по себе не гарантировали создание польской идентичности и запроса на государственность. Однако социальные и экономические изменения на фоне репрессивной политики, проводимой оккупационными силами, помогли создать благоприятные условия для мобилизации масс. Вот только природа этой мобилизации – либо подрывной и пассивной или же норовистой и националистической определялась в то время новым популярным способом ведения борьбы за независимость: по крайней мере, на какой-то период преднамеренным отказом от вооруженного сопротивления и использованием ненасильственных методов.

В этой главе я утверждаю, что поляки в своей борьбе за национальное выживание и независимость разработали и в дальнейшем усовершенствовали сложные формы ненасильственного сопротивления. Это ненасильственное сопротивление оформилось вскоре после неудачного вооруженного национального восстания 1863-1864 годов и в течение полувека было главным инструментом гражданского неповиновения, а также удивительным средством создания коллективной идентичности среди польскоговорящего населения. Несмотря на то, что поляки не смогли положить конец распаду Польши, их неповиновение и ненасильственное противостояние - во время Первой мировой войны - не позволили уничтожить или стереть с лица земли польскую культуру и идентичность, как того хотелось силам, оккупировавшим Польшу. Отстоять культуру на фоне жестких репрессий и угнетения удалось благодаря гениальной массовой ненасильственной мобилизации, организации и действиям, которые прививали глубокое чувство национального самосознания.

Восхваление насилия в польской истории и национальной памяти

Ролью ненасильственного сопротивления обычно пренебрегают не только потому, что историографы акцентируют внимание на роли политических и интеллектуальных элит, геополитических изменений или национально-экономических преобразований. Еще одна

причина - драматичность войны, вооруженного конфликта и восхваление борьбы с оружием в руках. Польских историков, публицистов, поэтов, кинорежиссеров и лидеров общественного мнения (в первую очередь мужчин) всегда завораживали военные заговоры, мобилизация армий, победоносные битвы, героическое вооруженное сопротивление против всемогущих врагов, которое, как правило, вело к неизбежным, но героичным поражениям. Рассказы о доблести сродни рыцарской, воинской добродетели и неоспоримом мученичестве ради польского отечества и свободы страны всячески лелеялись, обожествлялись и возвеличивались в коллективной памяти. Неудивительно, что Адам Михник отметил: "поляки отождествляют себя с традицией восстаний". В романтической литературе XIX века, в польском романтизме Польша - словно Иисус Христос. Она терпит несправедливость и гонения, чтобы принести себя в жертву на алтарь свободы, чтобы воскреснуть, восстановить свою независимость и освободить другие угнетенные народы.

Показательным символом бескрайних страданий, гонений коварными соседями, непосредственных жертв, а также героизации вооруженного восстания может служить суицидальная атака польской конницы против немецких танков в 1939 году. Эти символы определяют польскость и польский патриотизм и, как полагается, сформировали стойкость и упорство народа.

Дискуссия о значении и смысле национальных трагедий и жертвенности продолжилась после крушения президентского самолета 10 апреля 2010 года, в результате катастрофы погибли десятки ведущих современных польских политических лидеров и интеллектуалов. Они летели, чтобы почтить погибших в Катынской трагедии - одну из самых эмоциональных годовщин. В Катыни которой при участии НКВД была убита 21 000 польских офицеров. Когда в 2010 году сотни тысяч поляков вышли на улицы, чтобы излить скорбь и продемонстрировать солидарность, медиа объявили о пленительном ощущении патриотизма и появлении новой польской политической общности: "Поляки, растерзанные насильственной смертью и разрушениями, могут, наконец, объединиться в боли." Подобная жертвенность и порождает прочную веру, что поражения, жертвы и мученики необходимы, чтобы в итоге получить настоящее вознаграждение, такое, как независимость после 123 лет непрерывной борьбы. Либо же появление подлинной польской общности после трагедии 10 апреля. Снова и снова, польская национальная идентичность определяется и реформируется во время национальных катастроф – разделов, войн и трагедий.

Традиция вооруженного сопротивления укоренилась в польской культуре и не в последнюю очередь в самой столице Варшаве. Многочисленные памятники, многие из которых возведены уже после 1989 года – квинтэссенция того, как поляки видят и пересказывают ход собственной истории. Здесь доминируют монументы павшим в бою: смелым польским солдатам, сражавшимся и погибшим в Монте-Кассино в 1944 году, в решающей битве в Италии; жертвам Варшавского восстания 1944 года, павшим на Востоке, в том числе казненным в Катыне; Могила Неизвестного солдата... Именно их регулярно посещают польские знаменитости. Так же красноречива бронзовая фигура маленького борца – мальчика-солдата в шлеме не по размеру, сжимающего немецкий пулемет Sten недалеко от места, «где был убит тринадцатилетний Антэк».

В 2005 году открылся Музей Варшавского восстания, в котором, используя современные технологии мультимедиа, создали историческую экспозицию, "воссоздающую атмосферу царившую в Варшаве во время войны". Именно там приносят присягу сотрудники Центрального бюро по борьбе с коррупцией, Агентства внутренней безопасности и Пограничной службы. Как объяснил пресс-секретарь Агентства внутренней безопасности, они выбрали музей, так как "для поляков это место связано с героизмом и патриотизмом всех, кто отдал свою жизнь за отечество". Никто не поставил под сомнение то, каким образом именно эти учреждения связаны с жестоким и неизбежно ведущим к поражению событием, в котором в противостоянии с немецкой армией погибло множество безоружных детей.

Не смотря на это все эти памятники и мемориалы увековечивают для поляков героизм вооруженной борьбы. Кроме того, на фоне этих событий в тень уходят не менее мужественные и патриотические действия. Такие, о которых вспоминают участники забытого сегодня ненасильственного сопротивления во время немецкой оккупации Варшавы.

«Во время войны активно велось подпольное обучение, которое заменяло все уровни образования. Это один из самых замечательных примеров деятельности польского общества в то время. Ни насилие, ни диверсии не были настолько продуктивными, тогда как образование помогало национальному самосознанию. Это спасло наше общество от катастрофы, которую можно было бы сравнить с разрушениями в Варшаве: возможной потери пяти выпускных классов инженеров, архитекторов, врачей, учителей и студентов, которые несмотря на немецкую оккупацию и войну смогли в итоге сдать бакалаврские экзамены.»

Историки, такие как Норман Дэйвис пишут об "удивительной сети тайных классов, которые в результате воспитали миллион детей". "Тем не менее, в Варшаве нет памятника тем, кто рисковал жизнью, чтобы организовать подпольное обучение. Их ежедневный героизм остался безымянным и во многом забытым". Точно так же ненасильственное сопротивление немецкой оккупации по большому счету проигнорировано польскими историками и обществом, как собственно и ненасильственное сопротивление во времена раздела Польши.

Адам Михник лаконично подытоживает, что милитаристская традиция затмила "менее эффективные" достижения ненасильственного сопротивления: "Бой под Самосьеррой куда более фотогеничен, чем утомительная организация системы образования или модернизация сельского хозяйства, не говоря уже о строительстве санитарно-бытовых помещений. Но давайте вспомним, что мы не были бы в состоянии организовать нашу государственность, если бы не было работы, проделанной в духе "организации" и "согласования". И будем помнить, что нашим дедам часто приходилось платить высокую цену за выполнение подобных задач, рискуя упреками противников, обвиняющих в аморальности".

Михник также пишет о поляках, видящих мир черно-белым: "Либо кто-то берет в руки оружие и борется за отечество, либо сдается перед захватчиками и отказывается от борьбы". Такой бинарный выбор исключает возможность неповиновения ненасильственным способом, а также организации прямых ненасильственных действий.

Философская и историческая основа ненасильственного сопротивления: зарождение «органической работы»

После раздела Польши население взялось за оружие, сперва сотрудничая с союзниками, выступавшими против Наполеона, затем планируя и осуществляя вооруженное Ноябрьское восстание 1830 года, позже присоединившись к военным действиям во времена Весны народов 1848 года, вплоть до восстания 1863 года, подавленного российской армией. После разгромного поражения, последствия которого были катастрофическими, многие посчитали, что восстановить независимость Польши в обозримом будущем нереально. Это привело к решению отказаться от вооруженных восстаний и заняться стратегией долгосрочного созидательного активизма и органической работы, как способа продолжать борьбу иными, ненасильственными методами.

Идея ненасильственного сопротивления нашла свое место в контексте формирования социальной философии позитивизма, которая приживалась в Польше. Польский позитивизм дал возможность рационально объяснить идею ненасильственного сопротивления, а также то, как такое сопротивление может принести пользу в стратегической, долгосрочной перспективе. В итоге это привело к вытеснению романтического образа вооруженной борьбы за независимость Польши.

Под влиянием западноевропейских коллег польские позитивисты стали рассматривать нацию, как социальный организм, которому для развития нужно хорошее здоровье и питание. В условиях, когда население Польши оказалось на территории чужих государств, военные заговоры и вооруженная борьба зарождали сомнения в выживании нации. По мнению позитивистов для того, чтобы восстановить надежду, энергию и веру в возможное освобождение, необходимо было накопить интеллектуальную, культурную, социальную и экономическую мощь. В итоге выживали и побеждали наиболее образованные и наиболее умные, а не самые сильные.

Ведущий польский позитивист Александр Светоховский подчеркивает верховенство ментальной силы над силой физической: "Никакой Крупп не мог создать оружие, способное уничтожить Коперника, никакой Мольтке не в состоянии победить Мицкевича или Матейка". Новой стратегией для единства, самосохранения, восстания были знания и органическая работа. Именно они могли вплести в полотно национальности различные говорящие на польском языке группы населения, в первую очередь крестьян.

Зарождение позитивизма совпало с появлением Краковской исторической школы, которая утверждала, что именно внутренние факторы – слабое и неэффективное правительство и общие экономические и социальные проблемы делают страну крайне уязвимой. Следовательно, государства-соседи видят в слабости возможность завоевания и территориальной экспансии. Если причиной польского провала является внутренний фактор, значит, и лекарство стоит искать во внутренних изменениях и реформах. Юзеф Шуйский, лидер Краковской исторической школы объяснил: "Если государство падает в пропасть – это его вина, точно также подъем является

результатом работы над собой, возобновление собственного духа."

Он настаивал, что вооруженное восстание, если и достигнет результата, то тот окажется сомнительным без надлежащей политической, социальной и экономической основы. Хотя школу часто критикуют за религиозный, общественный и политический консерватизм и лояльность к Габсбургам, именно она помогла заложить идейные основы, которые позволили покончить с разрушительным насилием, вооруженными восстаниями и перейти к ненасильственной стратегии.

Позитивистское мышление, подпитываемое идеями Исторической школы Кракова, было введено в действие с помощью нового типа ненасильственного неповиновения, известного как "органическая работа" или "работа над тем, чтобы заложить фундамент, который бы ставил акцент на социально-экономическом развитии, культурном обучении, сохранении языка, традиций и исторической памяти". Это был стратегический и прагматический выбор, поскольку ненасильственные методы казались более эффективными по сравнению с неудачным вооруженным сопротивлением. Органическая работа, начиная с самодисциплины, интеллектуального самосовершенствования, национального воспитания масс, а так же социальной, экономической и политической самоорганизации, в отличие от повстанческого заговора выглядели не так эффектно, да и их результат нельзя было увидеть сразу.

Во всех трех частях разделенной Польши использовались разные формы органической работы. Она велась как тайно, так и открыто, законными и незаконными методами. Объединяющими элементами такой работы стали ненасильственный и созидательный характер. Целью стало создание исключительно польского экономического, социального и интеллектуального капитала, а также и поддержка, защита и продвижение всего польского: языка, культуры, традиции и истории. Польские мечты о независимости теперь воплотились в ненасильственные практические инструменты самоорганизации, которые закрепили и даже расширили культурные, этнические, языковые и исторические границы польскости поляков.

Органичная работа в Польше подконтрольной Австрии, Германии и Российской империи

Различные инициативы в духе органичной работы появились вскоре после раздела Польши. Однако они не были широко распространены. Их масштабы нельзя сопоставлять с тем, что происходило после 1870 года. Переломом стало неудавшееся восстание 1863-1864 годов. Польское общество было измождено вооруженной борьбой и непрерывной чередой поражений. В тоже время оно было преисполнено решимости продолжить внутреннюю защиту общества и противостоять деполонизации. Для этого создавали экономические, социальные и образовательные учреждения, защищалась и популяризировалась культура и национальные традиции. Таким образом поляки продолжили свое сопротивление во всех уголках разделенной страны, одновременно стремясь пробудить единую национальную идентичность среди всех, кто говорил на польском языке.

Органическая работа в австрийской Польше

Австрийская Польша (Галиция) оставалась самой неблагоустроенной и экономически слабой территорией, самой консервативной, если говорить о социальной иерархии. Здесь оставалась

сильной связью с Габсбургской империей и относительно низкий уровень национального самосознания, особенно в сельских районах. Основным поворотом в сторону ненасильственных форм неповиновения произошел в конце 1870-х годов. Оно выражалось как в законных образовательных и публичных неконфронтационных инициативах, так и в открытых формах проведения культурных мероприятий, национальных праздников и церемоний, которые укрепляли польскую идентичность.

Вена жестко контролировала учебные планы в австрийской Польше, запрещая учителям использовать собственные, польские, материалы. Особенно это касалось национальной истории, так запрещены были, например, любые карты Польши до раздела. В 1882 году апологетами органичной работы было создано Общество сельских кружков, которое быстро переросло в движение. В рамках этого движения проводилось обучение граждан и открывались читальные залы. Все это, как и открытие христианских магазинов и ассоциаций кредиторов, поддерживало самоорганизацию среди польскоговорящих жителей.

Движение сельских кружков проводило празднования исторических годовщин, популяризировало общественную деятельность, направленную на укрепление национальных и социальных связей. Первым вызовом стали строгие правила, запрещающие употребление алкоголя там, где собирались кружки, в то время, как в селах доминировали таверны. Заслугой движения сельских кружков среди галицких крестьян считают усиление идентичности польского народа. Крестьяне получили доступ к патриотической литературе, учебникам по истории, газетам на польском языке, а также информацию и навыки того, как организовывать и увеличить количество читальных залов.

Общество Народных школ было создано в 1891 году. Оно быстро развивалось, а в 1913 году насчитывалось уже более 300 филиалов и 42 000 членов. Таким образом удалось охватить примерно 5 миллионов неграмотных польскоговорящих крестьян в Галиции. Открывались библиотеки, сельские начальные и средние школы, а также семинарии для учителей. В учебные программы включались произведения польских писателей и поэтов, отстаивающих польское государство, проводились традиционные польские праздники. На первый взгляд такие общества были аполитичными, но на самом деле появление Движения сельских кружков и Общества народных школ ознаменовало рост национального самосознания.

После 1863-1864 годов еще одной формой деятельности стало проведение торжественных мероприятий, в которых принимали участие поляки всех социальных слоев: интеллектуалы, крестьяне и рабочие со всех частей разделенной страны. Одновременно с массовыми празднованиями, сохранением национальных традиций, почтением известных польских исторических и современных деятелей, героических событий и военных побед, а также дней скорби во время годовщин (например, разделения польского государства либо поражений во время вооруженных восстаний) проводились образовательные мероприятия: лекции, театральные представления, публиковались книги и исторические монографии, проводились выставки, а также служения в церкви. Они и стали альтернативной формой патриотической активности, которая позволила противостоять денационализации и политике деполонизации, осуществлявшейся странами, разделившими Польшу. Эти мероприятия прививали чувство

общности, единства, единой истории, языка, традиций и культуры. Памятные даты были «созидательным, творческими и интенсивным вариантом органической работы, попыткой национальной модернизации в польском стиле».

В рамках статьи невозможно задокументировать огромное количество памятных мероприятий, но следует обратить особое внимание на два случая. Естественно, Австрия и Германия не могли запретить торжества по случаю двухсотлетия Освобождения Вены в 1883 году австрийскими, немецкими и польскими войсками под руководством польского короля Яна III Собеского. Однако для поляков возможность отметить эту важную национальную военную победу была напоминанием о былой славе своей страны, о её независимости и могуществе, которое остановило Османское вторжение в Европу. Более 12 000 крестьян пришли в Краков, чтобы отпраздновать двухсотлетие. Многие из них впервые покинули свои деревни, увидели королевский замок, слушали выступления и лекции о польской истории. Во время национальных и религиозных празднований польскоговорящие крестьяне-католики отдали дань польской монархии, воинский гений которой спас христианство.

Вторым примером стала столетняя годовщина неудавшегося 1794 году восстания под руководством Тадеуша Костюшко против Пруссии и России. После победоносной битвы под Рацлавицами, в которой батальон вооруженных косами крестьян победил российскую артиллерию, Костюшко присвоил некоторым особо отличившимся крестьянам-добровольцам благородные звания.

Так знаменосцем, символом возрождения армии стал Бартош Гловацкий. В ходе празднования столетней годовщины битвы многочисленные пьесы, зарисовки, художественные выставки, реконструкция битвы под Рацлавицами отдавали дань готовности крестьянских добровольцев жертвовать собой ради польского народа.

Тысячи польскоговорящих крестьян посетили Краков, чтобы принять участие в этих мероприятиях. Во Львове, под прикрытием выставки достижений технического прогресса и сельского хозяйства в Галиции организаторы продемонстрировали национальный трофей: огромную картину Войцеха Козака и Яна Стыка "Рацлавицкая панорама". На ней изображены крестьяне с косами, побеждающие не смотря на российские снаряды. В течение четырех месяцев выставку посетило более миллиона человек и более 200 000 увидело «Рацлавскую панораму».

Общество Народных школ организовывало групповые посещения для крестьян, в том числе поездки для 6000 школьников. Во время одного из таких паломничеств к "Рацлавицкой панораме" 3000 крестьян приняли резолюцию, в которой требовали всеобщего и прямого голосования. Спустя год была создана Польская крестьянская партия.

Тактика проведения массовых празднований требовала умелого использования значимых национальных событий, которые могли бы повлиять на крестьян и другие социальные слои населения, создавая почву для осознания своей национальной идентичности, политических прав и обязанностей. При этом действовать нужно было с низкой степенью риска, ненасильственным путем, уменьшив тем самым возможность применения репрессий.

Годовщины стали инструментом для осознания национальной идентичности для говорящих на польском языке, которые до этого не идентифицировали себя с польской нацией. Сила этой недавно приобретенной национальной идентичности была продемонстрирована во время Первой мировой войны, когда большую часть польских добровольцев составили крестьяне .

Органическая работа в немецкой Польше

В немецкой Польше ненасильственное сопротивление точно так же прошло через создание ряда общественных и независимых от властей институтов, которые противостояли политике германизации, известной как Kulturkampf (борьба за землю и умы) посредством укрепления национального самосознания польского населения.

В 1872 году органисты основали Общество крестьянского образования, которое позволило дать альтернативное образование и повысить национальное самосознание благодаря использованию польского языка, истории и культуры. Общество учредило почти 120 библиотек на всей территории немецкой Польши, распространяя книги и другие материалы для чтения. После того как немецкие власти распустили это общество, ведущие польские деятели органической работы основали в 1880 году Общество народных читальных залов, действующих в рамках закона. В течение 3 лет общество учредило 400 сельских и 85 городских библиотек, в которых находилось более 79 000 книг о культуре, литературе и религии на польском языке. К 1890 году с помощью общества было основано около 1000 библиотек. В дополнение к работе общества приверженцы органической работы основали в немецкой Польше более 100 кружков.

В 1886 году немецкий канцлер Отто фон Бисмарк выделил 100 миллионов марок для того, чтобы выкупить в Германии земли польских помещиков–должников, таким образом заменяя их немецкими землевладельцами. В ответ на это, продвигавшие идеи органической работы собирались выкупить эти земли для поляков. Благодаря учреждениям, которые занимались выделением земельных участков, таких как созданный в 1888 году Польский земельный банк, за десятилетие поляки смогли приобрести больше земли, чем немцы. Известным примером сопротивления немецкому захвату стала история польского крестьянина Михала Джималы. В 1904 году немецкие власти отказались предоставить Михалу Джимале право на постройку дома на участке земли, который он купил у немца. Поэтому Джимала приобрел цирковой фургон и продолжал в нем жить, соблюдая при этом законодательство Германии. Каждый день он передвигал фургон на несколько сантиметров, чтобы показать, что тот не стоит на одном месте и не является домом, следовательно, разрешение для его размещения не требуется. Юридическое противостояние длилось более четырех лет. В итоге Джимала продал землю и купил другой участок с уже построенным домом, а значит, разрешения на строительство уже не потребовалось. К тому времени британские, французские и американские газеты высмеяли институционализированную и легализованную немецкую земельную дискриминацию против поляков, а Джимала и его фургон стали символом творческого ненасильственного сопротивления политике немецкой экспансии.

В сельской местности для противодействия немецкой экспансии создавались различные польские экономические и финансовые институты. В 1868 году количество польских кредитных кооперативов выросло с 25 до 76, а в 1891 году достигло 204. В 1914 году в них

состояло около 126 000 членов, почти половина из них - крестьяне. Полякам предлагали более выгодные, чем в немецких банках процентные ставки, тем самым помогая модернизировать и расширить как сельское, так и городское хозяйство в немецкой Польше.

Приверженцы органической работы поддерживали создание промышленных сообществ, преследующих политические и национальные цели для укрепления экономической основы среднего класса и, как следствие, возможности эффективно конкурировать с немецкими предпринимателями. Количество промышленных сообществ росло, к 1914 году только лишь в познаньском регионе насчитывалось 170 сообществ, в которые входило 11 000 членов. Количество сельскохозяйственных кружков увеличилось с 45 в 1875 году до 60 в 1900 году (10 000 членов) и достигло 310 (17 000 членов) в 1910 году, а это около 40 процентов всех польскоговорящих сельских землевладельцев. Таким образом, появился новый слой сельских деятелей. Кружки помогали обмениваться информацией о растениеводстве, торговле сельскохозяйственной продукцией, доставке удобрений, угля, семян. В то же время польские фермеры смогли получать информацию о законах, кредитах, налогах, а также о правилах получения наследства. Все это осуществлялось с тем, чтобы компенсировать административные, юридические и экономические намерения Германии выжить польскоговорящих крестьян с их земли. Кроме того появилось 6000 молочных кооперативов и 6000 кредитных банков, которые должны были улучшить культурное, социальное и экономическое развитие польских сел. Одновременно с ростом польских экономических, социальных и образовательных учреждений также увеличивалось количество польской прессы. В частности в немецкой Польше ежегодное издавалась прессы на польском языке. За первую декаду XX-го века удвоилось и достигло 400 000 копий в год. Доказательства важной роли сильной национальной прессы можно увидеть во время школьных забастовок 1901-1907 годов (описано ниже).

Согласно оценкам, к 1914 году каждый четвертый взрослый поляк самого большого региона немецкой Польши – Великой Польши - состоял в какой-то польской экономической, социальной, культурной или политической организации. В общем, к 1913 году учреждения органической работы насчитывали 140 000 членов среди взрослого населения Великой Польши. Однако общее количество людей, на которых повлияли такие учреждения, куда больше, поскольку членами таких организаций не считались школьники, учащиеся в системе образования органической работы. Благодаря такой деятельности, организаторы и их бенефициары «научились тому, что они могут добиться особенных экономических, культурных и социальных целей благодаря совместной деятельности, которая основывалась на легальной, практической деятельности, а не на революционном насилии».

Школьные забастовки в немецкой Польше

Школьные забастовки, вспыхнувшие в немецкой Польше в 1901 году, стали крупнейшей формой ненасильственного сопротивления в разделенной Польше. Пиком забастовок стали 1906-1907 годы, в течение которых на занятия не пришли около 93 000 школьников.

Это сопротивление германизации основывалось на десятилетиях менее конфронтационной мобилизации. Еще в 1871 году 110 000 человек подписали петицию, выступив против немецких учебных школ, в то же время 160 000 человек подписали петицию в поддержку польского языка

в начальных школах. После того как в 1885 году правительство приказало вести все обучение на немецком языке, в том числе уроки религии и польского языка, 60 000 человек подписали петицию о том, чтобы государство передало надзор за преподаванием уроков религии и польского языка церкви. Такие петиции, а также встречи и дискуссии, посвященные образовательной политике стали уроками самоорганизации граждан, желающих защитить свое право на родной язык. Таким образом, говорящие на польском все больше осознавали необходимость защиты образования на родном языке. Это стало одной из причин школьных забастовок. Конфликт накалился после привлечения польской католической церкви для защиты использования польского языка на уроках религии. Поляки показали готовность перейти к новой стратегии и вместо петиций, разрешенных государством, использовать более подрывные, методы ненасильственного сопротивления, выходящие за рамки закона, такие как школьные забастовки.

Первая крупная забастовка состоялась в 1901 году во Вжесне. Сперва родители отказались покупать религиозные книги на немецком языке. А когда руководство школ все-таки их приобрело, ученики либо отказывались их использовать, либо не отвечали на вопросы на немецком. Непокорные ученики молились на польском вместо немецкого и «отказывались принимать участие в мероприятиях, посвященных победе Германии над Францией в Седане» .

Преподаватели немецкого языка, а также лояльные немецким властям поляки наказывали детей, прибегая, в том числе, и к телесным наказаниям. Однажды, когда детей массово избивали, горожане услышали детский крик. Тогда 1000 человек, в первую очередь женщины, пришли в школу с требованием прекратить избиение. Немецкая полиция заставила людей уйти, а после этого 21 участник протеста, в том числе 7 женщин и 3 подростков, приговорили к тюремному заключению и денежному штрафу.

Вместо подчинения, суровые наказания привели к обратному эффекту. Вжесня стала национальным символом польского сопротивления и жертвенности ради защиты польского языка. Вскоре были напечатаны стихи и рассказы о детском героизме. Из Польши, Европы и Соединенных Штатов Америки присылали деньги для покрытия судебных издержек, обеспечения поддержки семей заключенных, а также подарки для избитых учеников. Это стало примером солидарности, для которой границы не имели значения.

Протесты в поддержку Вжесни прошли в других частях Польши, в том числе возле немецких консульств в Варшаве и Львове. Международная общественность также отметила жестокость немецкого угнетения. Об этом писали во Франции, Великобритании, Нидерландах, Дании, Бельгии, Италии, Аргентине и Ватикане, что способствовало, в свою очередь, увеличению международной поддержки права поляков на самоопределение.

Несмотря на негативную реакцию, немецкие власти оставались непреклонным, провоцируя таким образом гораздо более сильную волну школьных забастовок в 1906-1907 годах. Первые забастовки начались в октябре 1906 года. По оценкам в них приняли участие 70 000 учеников из 950 государственных школ, в том числе 20 000 в Померании и 47000 в Великой Польше (более половины из этих учеников были обязаны изучать религию на немецком языке).

В итоге, к забастовке присоединились 93 000 детей из 1600 школ, расположенных в немецкой Польше. Это были плоды органической работы среди крестьян, которая велась около века и таки привела к появлению класса бастующих. Почти 90 процентов бастующих школьников были родом из крестьянских семей, семей аграриев и около 10 процентов из семей ремесленников и промышленных рабочих.

Важную роль для подготовки почвы для забастовок, а также мобилизации сыграла польскоязычная пресса. В 1906 году газеты напечатали для родителей образцы заявлений, которые использовались в знак протеста против немецких классов религии. Также в польскоязычной прессе был опубликован призыв собраться на всеобщую встречу во всех провинциях немецкой Польши для обсуждения новых форм сопротивления. Несмотря на то, что полиция по дороге останавливала многих участников группы, в итоге в собрании приняло участие 2000 человек. После начала забастовок польская пресса регулярно публиковала отчеты о текущих акциях протеста в различных частях немецкой Польши. Так как школы часто требовали, чтобы дети предоставляли учителям согласие родителей на участие в забастовке, их печатала пресса. Кроме того, в прессе всячески поддерживались бастующие ученики, а также звучали призывы следовать их примеру, одновременно сохраняя ненасильственную дисциплину и спокойствие в проведении забастовки, а также единство и решительность, признавая, что успеха можно добиться только в случае массового участия.

Несмотря на масштабы кампании, власти настаивали на своем. Различные польские политики скептически отнеслись к успеху школьных забастовок, не признав их ценность, значения и влияния. Между тем, ценой таких забастовок стали репрессии. Некоторые родители потеряли право опеки над бастующими учениками, других выгнали или лишили школьных дипломов. Газетам приходилось платить огромные штрафы, что подрывало их финансовое состояние. К концу весны 1907 года забастовки приостанавливались.

Немецким властям понадобилось больше года для подавления волны забастовок. Это осуществлялось путем применения чрезвычайных мер. Польская пресса представила все эти процессы не как поражение, а как возможность польской общественности исполнить патриотический долг. В самом деле, для многих бастующих важным было не так достижение цели, как ценность подобных символических действий. В этом смысле забастовщики добились моральной победы.

Как никогда ранее, польский язык стал объединяющей силой. Ни одно вооруженное восстание не привлекало столь широкие слои населения: молодежь и стариков, девочек и мальчиков, женщин и мужчин из сел и городов по всему региону. Протест против обучения религии на немецком языке стал движением за сохранение польской идентичности. Он привлек польскоговорящее население в политику. Эти забастовки как составляющие органической работы стали основой для гораздо более глубоких изменений в польском обществе и способствовали защите польской культуры и самобытности. После них последовала новая волна социальной и культурной активности, в том числе рост польских спортивных, религиозных и подпольных образовательных сообществ, которые стали основой возрождения польского

общества после Первой мировой войны.

Органическая работа в Польше, входившей в состав Российской империи

После неудавшегося восстания 1863-1864 годов царская Россия пыталась либо подавить польскую национальную идентичность, либо вырвать её с корнями. Для того чтобы завоевать признание польскоговорящих крестьян и ослабить польских помещиков (группу с самым высоким самосознанием), в 1864 году Россия отменила крепостное право. Для последующей русификации в 1866 году правительство объявило обязательным преподавание отдельных предметов на русском языке в государственных и частных школах. Еще через год на русском должны были преподаваться все предметы, кроме польского языка и религии. Наконец в 1885 году вести преподавание на русском, за исключением религии и польского языка, обязали все школы. Польский язык был запрещен не только в школьных коридорах и дворах, но и во всех общественных местах. Все вывески на польском языке должны были сняты, а польские газеты и библиотеки были закрыты.

В Польше, входившей в Российскую империю, создавались подпольные классы, которые тайно проводили уроки польского, истории и литературы, став ядром органической работы и ненасильственного сопротивления. В 1894 году активистка Сесилия Снегоцкая создала ассоциацию Тайного обучения. Через десять лет в Варшаве в подпольных классах обучалось 2000 учеников. Они составляли половину всех учащихся в контролируемых правительством начальных школах. Согласно официальным источникам российского правительства около трети населения этой части Польши в той либо иной форме прошли через тайное обучение, что дало возможность читать и писать на польском языке.

Известной формой тайного высшего образования был «летающий университет», возникший в середине 1870-х годов. Профессора преподавали в частных помещениях естественные и гуманитарные науки с акцентом на польскую историю, культуру и язык. Более 5000 мужчин и женщин к 1880-му году стали выпускниками таких «летающих университетов», среди них и будущая лауреатка Нобелевской премии Мария Склодовская-Кюри.

Традиция сопротивления посредством подпольной самоорганизации и обучения, создания кружков самообразования и организации взаимопомощи стала основой для движения, бойкотировавшего государственную школьную систему в 1905-ом году. В бойкоте приняли участие более 20 000 студентов, в основном молодые женщины и девушки. Они требовали восстановления польского языка в качестве языка для школьных правил, а также представительской и демократической системы образования под общественным, а не правительственным контролем. Городское общественное сопротивление перешло и на сельские районы, где по инициативе контролируемых поляками местных и коммунальных муниципалитетов создавались тысячи новых сельских школ.

Грамотным крестьянам стали тайно преподавать правила польской грамматики и религии. В период растущей социальной напряженности в октябре 1905 года царское правительство разрешило создавать частные школы, в которых на всех предметах, кроме русского языка, истории и географии разрешалось использовать для правил польский язык. Движение не могло

добиться дальнейших уступок, так как столкнулось с жесткими мерами противодействия забастовкам: было введено военное положение и комендантский час, закрыты высшие учебные заведения, уволено 142 преподавателя, студентов массово исключали из вузов, а для тех, кто оставался, вводились жесткие ограничения – угрожали штрафами и даже арестами. В результате движение начало использовать существующую правовую систему для создания сети частных польских школ как альтернативы русифицированной государственной системе.

В 1906 году опираясь на опыт и традицию «летающих университетов» в создании частных школ, открылись Польские отечественные школы. К началу учебного года было зарегистрировано 680 школ, куда зачислили 70 000 учеников. Вскоре количество школ увеличилось почти до 800, в них насчитывалось 120 000 учеников. Уже в следующем году еще 450 частных школ подали заявку о регистрации. Тогда правительство Российской империи решило закрыть Польские отечественные школы. В ответ на это поляки - приверженцы органической работы создавали параллельную подпольную систему образования. Несмотря на арест сотен учителей, репрессивная политика правительства не смогла подавить это движение. Поляки считали государственную систему школьного образования инструментом русификации. Поэтому родители нередко продолжали бойкотировать государственные школы, отправляя детей в частные начальные и средние коммерческие школы. К 1914 году 18 процентов всех учеников начальных школ (70 000 детей) посещало 800 частных школ. В системе среднего образования в частных школах обучалось 38 000 учеников, что составило более 60 процентов от общего количества учеников на территории Польши, входившей в состав Российской империи. Даже в гнетущей обстановке русификации на этой территории население отмечало национальные годовщины, однако в более ограниченных условиях, чем в Галиции.

В 1898 году большой энтузиазм вызвало празднование столетнего юбилея Адама Мицкевича, а также установка бронзового монумента в честь национального поэта. Всего за два месяца более 100 000 человек пожертвовали 200 тысяч рублей на памятник, из них более 80 процентов - деньги частных лиц, в первую очередь представителей среднего класса и крестьян. Этот монумент был создан в знак почтения стихов Мицкевича, но он сам по себе превратился в национальный символ свободы и сопротивления. Церемония открытия и речи выступавших вызвали у крестьян и рабочих чувство национальной гордости. Царское правительство выступило против этого мероприятия и даже ввело цензуру, кроме того количество билетов было ограничено, а площадь, на которой проводилось это мероприятие, оцеплена. Все же более 12 000 человек приняли участие в официальной церемонии. Очевидцы того времени так описывали комитет самоорганизации граждан, который занимался сбором денег и церемонией открытия памятника, так:

«это был самый замечательный, возвышенный, вдохновенный признак коллективного существования, одна из великих побед в неустанной борьбе за существование польской нации. Несмотря на гнет и строжайший надзор полиции, несмотря на цензуру, этот чудесный плебисцит состоялся со скоростью света, а мощное государство выглядело пораженным, беспомощным, так как ему не хватило смелости предотвратить и подавить это событие».

Женщины и органическая работа

Органическая работа, особенно открытые и тайные образовательные мероприятия, дали возможность женщинам проявить себя значительно больше в ненасильственном сопротивлении, чем во время романтизированного периода вооруженных восстаний. Женщины и девушки играли ведущую роль в подпольном образовании в Польше, входившей в Российскую империю, а также во время школьных забастовок на российской и немецкой территориях Польши. 40 процентов деятельности образовательного движения на территории российской Польши вели именно женщины. Так как женщины в большей степени отвечали за образование детей дома, они принимали активное участие в создании, раздаче и использовании материалов для начальных школ, а также руководили родительскими организациями взаимопомощи. Акцент на позитивизме, созидательной ненасильственной организации посредством экономического, социального и интеллектуального развития дал возможность выделить для женщины роль в обществе, которая вышла за рамки продолжательницы рода либо трагического архетипа Матери-Польши, чей сын приносит себя в жертву в борьбе против угнетения. Позитивная Мать-Польша воспитывала своих детей, но также была и общественным деятелем, учителем, организатором, писателем, который обучал других неграмотных крестьян. Такая роль женщины вступила в конфронтацию с политикой империй, разделивших Польшу.

Заключение

Большая часть говорящего на польском языке населения с совсем слабой польской идентичностью могла бы быть ассимилирована тремя империями, разделившими страну. То, что этого не произошло, в значительной степени было результатом массовой ненасильственной созидательной программы, которая стала основной стратегией защиты и сопротивления после ряда поражений в битве против имеющих военное превосходство сильных врагов. Ненасильственная стратегия органической работы обеспечила национальное и культурное выживание и успешно политизировала массы во всех трех частях разделенной Польши.

В самых суровых условиях в Польше, входившей в Российскую империю, где натиск русификации охватывал все сферы общественной жизни, органисты выполняли свою работу в основном благодаря подпольным, а также нелегальным организациям и деятельности. В немецкой Польше конституционные и экономические параметры позволяли органистам построить законные социальные и экономические институты для противостояния немецкой политике деполонизации. Немцы часто преследовали польские организации, при этом позволяя польское предпринимательство, и вели тотальную культурную войну против польскости, запрещая любые образовательные инициативы. Тем не менее, германизация образования была не в состоянии уменьшить волну роста польского национального чувства или прекратить открытое сопротивление в польских школах. Наконец, в австрийской Польше – самом либеральном из государств, разделивших Польшу, где поляки, казалось бы, должны были оставаться лояльными по отношению к их оккупанту - польские консерваторы использовали ненасильственную органическую работу, чтобы предотвратить открытое вооруженное противостояние. В итоге органическая работа в австрийской Польше сделала больше для превращения поляков в нацию, чем все предыдущие вооруженные восстания. Тем не менее, восхваление насилия в польской традиции и истории укрепило восприятие органической работы как формы "менее уверенного патриотизма", как инструмента приспособления к иностранным властям, и даже как предательство целых поколений поляков, которые не взяли оружие в руки и

не отдали жизнь в национальном восстании.

Как ни парадоксально, продолжение прославления военного сопротивления может быть связано с успехами и достижениями ненасильственного движения, которое в первую очередь основывалось на культурных формах сопротивления (проведение церемоний, годовщин) и создании параллельных институций (например, патриотическое воспитание). Обе эти формы часто популяризировали традицию, согласно которой вооруженное сопротивление восхвалялось ради того, чтобы дальше романтизировать вооруженную борьбу, таким образом, непреднамеренно отодвигая в тень тех, кто сохранял эту память благодаря ненасильственным методам борьбы.

Критика органической работы особенно озадачивает, учитывая то, насколько ненасильственное сопротивление девятнадцатого века и его созидательная программа создания параллельных институций вдохновляла последующие поколения угнетенных поляков.

Опыт заговорщиков, которые основали тайное образование, укоренен в коллективной памяти национального сопротивления. Этот опыт был возобновлен во время таких болезненных периодов, как немецкая оккупация 1939 -1945 годов и в период коммунистического строя, особенно в 1970-х и 1980-х годах, когда широко распространилось подпольное образование (в том числе «летающие университеты») для обеспечения правдивого понимания национальной истории, культуры и традиций. На самом деле общественная деятельность была основой основ ненасильственной стратегии антикоммунистической оппозиции. Лидеры движения «Солидарность» проводили параллели между своими ненасильственными действиями ради освобождения общества от коммунистического правительства и ненасильственными стратегиями органистов девятнадцатого века, направленными на борьбу с властями империй, разделивших Польшу.

Богдан Цивинский в своей работе «Генеалогия непокорённых» (1971), изучая окончание столетия, провел параллели между ненасильственным сопротивлением против царского правительства и современным сопротивлением коммунизму. Эта книга, вдохновившая тысячи поляков, показала как вековая традиция ненасильственного сопротивления, которое в национальной истории обычно недооценивают, может играть жизненно важную роль в формировании мышления, в определении стратегии и действий для нового поколения, которое без оружия с борется с не менее репрессивной авторитарной властью, чем их неукротимые предшественники, живущие сразу после раздела Польши.

Без ненасильственного сопротивления поляки не могли бы взять ответственность за судьбу своей нации после Первой мировой войны либо же изменить геополитическую ситуацию в свою пользу в 1980-х. Было бы невозможно вернуть и интегрировать отобранные земли, и так быстро восстановить государственность в 1918 году, если бы перед этим не было создано социальной и экономической базы, не было бы развития культуры, которое произошло в значительной мере благодаря органической работе. Хотя ненасильственное сопротивление широко используется различными поколениями поляков и против внешней оккупации и против внутренней диктатуры, эта форма борьбы все еще ожидает заслуженного признания, которое соответствовало бы той роли, которую оно сыграло не только в защите, но и в возрождении

польской нации.